

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Андрей **ГАНИН**,
доктор исторических наук

ГЕНШТАБ И ПРЕДВЫБОРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

*Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года**

Весной — летом 1917 года в Николаевской военной академии произошла беспрецедентная по своему характеру смена руководства. Начальник академии генерал В. Н. Камнев (Петерс), по слухам связанный с распутинским окружением, оказался скомпрометирован в связи с подозрениями в злоупотреблениях, позднее не подтвердившимися¹. Тем не менее возник вопрос о назначении нового начальника академии. На фоне бурных перемен, произошедших в России в революционном 1917-м, как-то затерялось событие, которое при иных обстоятельствах и в более спокойное время должно было иметь существенно больший общественно-политический резонанс. Речь идёт о выборах начальника Военной академии, проходивших летом 1917 года. Несмотря на свою значимость, этот сюжет до сих пор не привлекал внимание исследователей. Обнаруженные нами уникальные документы архивов России и США позволяют осветить эту историю в полной мере.

Если при «старом режиме» начальники академии назначались, то при Временном правительстве на эту должность был распространён популярный в тогда стране и в армии принцип выборности. Выборы начальника академии были необычными, а их результат оказался совершенно непредсказуемым и повлиял на последующую историю академии и всего корпуса

*Исследование осуществлено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Министр-председатель Временного правительства и военный министр А. Ф. Керенский на фронте здоровается с солдатами. Бахметевский архив Колумбийского университета.

офицеров Генерального штаба периода революции и Гражданской войны. Неизбежная при введении выборного начала политизация офицерства порождала конфликты, корпорация генштабистов утрачивала свою сплочённость...

Идея выборов вызвала нешуточные страсти. Для офицерства, традиционно стоявшего вне политики, выборы оказались

невиданным прежде развлечением. Развернулась ожесточённая борьба и агитация, публиковались призывы голосовать за того или иного кандидата, протесты против призывов и т. п. Если бы вопрос стоял только о замещении конкретной должности начальника одного из высших военно-учебных заведений, то всё это было бы не так уж и интересно. Но реально на повестке дня стояли

более широкие вопросы — о будущем русского Генерального штаба и о дальнейших путях его модернизации. За них и развернулась основная борьба. Голосование должно было определить, кто из генштабистов считался наиболее авторитетным и квалифицированным внутри корпорации, кто мог стать потенциальным лидером корпуса офицеров Генерального штаба и выразителем интересов большинства. Результаты голосования обрисовали фактическое отсутствие единства взглядов и наличие противоборствующих группировок офицеров².

Идея выборов принадлежала военному министру А. И. Гучкову, который 26 марта 1917 года письмом № 1304 уведомил и. д. начальника академии генерал-майора Камнева о допустимости и желательности применения выборного начала при избрании и назначении начальника академии³. На основании письма конференция академии (коллегиальный руководящий орган) в заседаниях 15 и 19 апреля выработала правила, которые были дополнены и утверждены помощником военного министра генерал-лейтенантом В. Ф. Новицким.

Предполагалось, что баллотироваться будут лица «из числа генералов и полковников Генштаба, как профессоров, так и не профессоров, пользующихся в военном мире известностью, имеющих высокий моральный и военно-научный авторитет и непременно получивших боевой опыт в текущую войну в строю по командованию или полком или дивизией»⁴. Выборщиками оказались все офицеры Генерального штаба и даже те выпускники академии, которые временно перешли в строй (для отбытия ценза командования полком и бригадой). Выборы проходили по «четырёххвостке», т.е. были всеобщими, равными, тайными и прямыми. Сначала начальника академии планировали избрать простым большинством голосов, однако вскоре новый военный министр А. Ф. Керенский решил назначить кандидата самостоятельно, из десяти лидеров голосования⁵. Позднее список кандидатов был сокращён до четырёх лидеров. Разумеется, такой подход не мог не породить недовольство.

Сама идея голосования воспринималась в среде генштабистов неоднозначно. Опытные офицеры, как, например, генерал-майор П. Ф. Рябиков, отнеслись к выборному началу как к одному из революционных веяний⁶. Генерал-майор Б. В. Геруа впоследствии назвал голосование «революционно-вздорным»⁷.

С критикой выборов в печати выступил один из кандидатов на пост начальника академии и участник разработки правил выборов, генерал В. Ф. Новицкий. Он считал, что без предвыборной агитации голоса офицеров могут разделиться между множеством кандидатов, каждый из которых наберёт всего несколько голосов, а победитель

Н. Н. Головин.

будет из-за этого нелегитимным и неавторитетным. Кроме того, он выступил против несправедливого нарушения принципа простого большинства голосов по личному решению министра: в этом случае получалось, что никакой демократии нет, а господствует прежний принцип назначения. Свою статью Новицкий заканчивал отказом от участия в подобных выборах⁸ (вопреки желанию генерала, на выборах его кандидатура всё-таки получила несколько голосов).

Старт избирательной кампании был дан приказанием военного министра, изложенным в телеграмме начальника Генштаба от 30 мая⁹. Впрочем, о предстоящих выборах стало известно заранее.

Одним из наиболее авторитетных военных учёных и наиболее квалифицированных генштабистов был генерал-майор Н. Н. Головин, занимавший ответственную должность начальника штаба Румынского фронта. Он был наиболее вероятным претендентом на пост начальника академии в случае голосования — его труды были широко известны в среде генштабистов, а многие офицеры были его учениками по академии. Будучи одним из реформаторов учебного курса академии, сторонником прикладного метода обучения и лидером неформального кружка «младотурок» — борцов с традиционализмом и обскурантизмом в предвоенной академии, — Головин олицетворял оппозицию старым генштабистам и царскому режиму¹⁰. При этом бывшие «младотурки» в целом прекрасно проявили себя на фронтах Первой мировой.

В письме правителю дел академии полковнику А. И. Андогскому от 7 апреля Головин интересовался жизнью академии: «Что поделявают у нас в академии? Вспоминают

ли обо мне теперь, в эпоху полного обновления нашей государственной и общественной жизни?»¹¹ 27 мая кандидатуру Головина на пост начальника академии предложил выдвинуть его старый соратник, видный военный учёный, начальник штаба 7-й армии генерал-майор А. А. Незнамов. Он подготовил обширное письмо, адресатом которого был, вероятно, начальник штаба 11-й армии генерал-майор Б. В. Геруа (с резолюцией последнего это письмо, отпечатанное типографским способом, рассылалось генштабистам 11-й армии)¹². Вообще, представители военной науки попытались взять вопрос о выборах под свой контроль. Однако они не учли того, что Керенский перевёл проблему в политическую плоскость...

К письму Незнамова Геруа приписал, что он, Геруа, был убеждённым сторонником Головина при переустройстве академии до войны, но тогда верх одержал «злой гений русской армии» В. А. Сухомлинов. В результате академия оказалась в руках неподготовленного Н. Н. Янушкевича. Теперь, «когда русской жизни предстоит вступить на путь свободного творчества», Геруа предлагал избрать идейного и опытного начальника академии.

О том, что инициатором его выдвижения был Незнамов, Головин сообщил в дружеском письме полковнику Андогскому¹³. Можно представить удивление Головина, когда вскоре выяснилось, что Андогский ему не только не друг, не единомышленник и не агитатор за него, а наиболее опасный конкурент.

Ещё до официального начала избирательной кампании Головин должен был считаться с мощным противодействием своему выдвижению со стороны преподавателей и слушателей академии, видимо, считавших вопрос о начальнике академии своим внутренним делом. Немало врагов оставалось у Головина и со времён его лидерства в кружке «младотурок» в бытность профессором академии. Работники академии в Петрограде имели больше рычагов воздействия на Керенского, чем далекий от столичной подковёрной борьбы Головин, находившийся на Румынском фронте. Кроме того, подсчёт голосов должны были вести лица, заинтересованные в выдвижении кандидата от академии.

Старый профессорско-преподавательский состав академии во главе с генерал-лейтенантом Б. М. Колюбакиным развернул мощную пропаганду назначения кандидата из своей среды, а именно правителя дел академии полковника Андогского. Эта кандидатура у многих вызывала удивление, так как Андогский не был ни генералом, ни профессором (он только ещё писал диссертацию¹⁴) и был сравнительно молод (40 лет)¹⁵. Знавшие его сослуживцы считали его молодым оппортунистом¹⁶. Такая

оценка во многом обоснованна: Андогский отличался невероятной политической гибкостью... Тем не менее Колюбакин организовал сбор подписей в его поддержку и типографским способом (вероятно, в типографии академии) издал коллективное воззвание от академии¹⁷. Сама по себе эта листовка носила анекдотический характер: Андогский вовсе не обладал таким авторитетом, какой ему приписывали лоббировавшие его кандидатуру. Однако опора на многочисленных выпускников ускоренных курсов (курсовиков), размывавших кастовость Генерального штаба, обеспечивала ему массовую поддержку¹⁸.

Большую помощь Андогскому оказывал слушатель курсов штабс-капитан А. Л. Симонов, позднее сыгравший определённую роль в истории академии как один из лидеров антибольшевистски настроенных курсовиков. Этот офицер рассылал письма в поддержку Андогского многим своим однокурсникам. Листовки Колюбакин отправил даже сопернику Андогского Головину. Не удивительно, что экземпляр Головина оказался испещрён ехидными замечаниями последнего: «Эти штуки уже у нас есть!», «Явное передёргивание. Нужно посмотреть мои печатанные труды; мы протестовали против схоластики, а не против мысли!» Головин даже подчеркнул фамилии некоторых подписантов (генерала от кавалерии Н. Н. Сухотина, генералов от инфантерии А. Ф. Редигера, Н. П. Михневича, П. О. Щербова-Нефедовича¹⁹, П. А. Гейсмана, генерал-лейтенантов Б. М. Колюбакина, В. В. Витковского, Г. Г. Христиани, Д. В. Филатьева, Э. М. Лисенко), добавив на полях, что это сторонники старой школы²⁰. Таким образом, противники Головина, сохранявшиеся в академии с довоенных времен, предприняли попытку продвинуть в руководство академии своего кандидата, прикрываясь идеями, заимствованными у самого Головина. Назначение изгнанного из академии профессора было бы для них худшим вариантом, и они делали ставку на более покладистого Андогского.

К документу прилагалось отпечатанное типографским способом коллективное заявление (83 подписи) офицеров старшего класса 1-й очереди академии в поддержку Андогского²¹.

Это и другие воззвания публиковались на страницах газеты «Русский инвалид». В связи с письмом курсовиков генштабисты штаба 10-й армии выступили против участия в голосовании курсовиков как лиц, мало служивших по Генеральному штабу и малокомпетентных²². Выборы стали грозить расколом Генерального штаба...

29 мая с личным конфиденциальным письмом к Головину обратился сам Андогский²³, попытавшийся продемонстрировать

Б. М. Колюбакин.

сопернику дружественные намерения и показать, что выдвигает свою кандидатуру лишь после долгих сомнений, руководствуясь лишь интересами академии и только для подстраховки основного претендента — Головина, — последователем которого Андогский старался себя изобразить.

Кандидатура Головина нашла массу сторонников на фронте. Её активно поддерживали сослуживцы — работники штаба Румынского фронта голосовали за Головина единогласно. Коллективное письмо в его поддержку составили генштабисты 12-й армии²⁴. Председатель исполнительного комитета Генштаба 12-й армии генерал-майор П. И. Измestьев телеграфировал Головину: «Послал агитационную телеграмму по армии с протестом против воззвания старой школы во главе с Колюбакиным, призывая голосовать за Головина, имею уже много голосов, а затем печатаю и разошлю коллективное обращение по всему Северному и Западному фронтам»²⁵. Головин, очевидно, не возражал, и Измestьев выпустил отпечатанную типографским способом листовку «Головин — начальник академии», в которой были выдвинуты прямые обвинения в адрес соперников Николая Николаевича²⁶.

Штаб Юго-Западного фронта 11 июня также высказался за Головина²⁷. Сторонники присылали ему частные письма со словами поддержки. 17 июня такое письмо написал его старый товарищ генерал-майор А. А. Балтийский, по словам которого, некоторые сторонники Головина не знали, в какой степени тот сам заинтересован в руководстве академией. Головин, по всей видимости, ответил, что всецело стремится к этому. Тогда Балтийский (служивший в штабе 12-й армии) обещал взять на себя рассылку телеграмм во все армии своего фронта и в газеты. По словам Балтийско-

го, 5-я армия высказалась в поддержку генерала М. В. Алексева, к тому же «Андогский умело настроил «давно бывших людей», которые, в глубочайшем тылу сидя, смело свидетельствуют о великих боевых доблестях Андогского (особенно в армии Самсонова! — мне кажется это иронией). Изумительно странная реклама»²⁸.

23 июня датирована телеграмма о коллективном решении генштабистов 3-й армии²⁹. Из 15 участвовавших в обсуждении Головина поддержали 12. Подобные коллективные телеграммы должны были служить мощным средством убеждения тех штабов, которые ещё не вынесли солидарного решения. Коллективное постановление в поддержку Головина выпустили и генштабисты штаба 4-й армии³⁰.

Штаб Особой армии 8 июня продемонстрировал успешное владение избирательными технологиями. Его телеграмма рекламировала Головина как «горячего проповедника единства русской военной доктрины, борца с[о] схоластикой, личным усмотрением и дисциплинарным режимом». Далее авторы документа переходили к лозунгам: «Поручим начавшему довершить дело оздоровления нашей высшей школы. Имя Николая Головина объединит большинство. Офицеры Генерального штаба — выбирайте Николая Головина»³¹. За Головина высказались и генштабисты Гвардейского кавалерийского корпуса.

Генштабисты 7-й армии, начальником штаба которой ранее был Головин, ещё 8 июня высказались за него и просили «солидарной поддержки» его кандидатуры. В штаб-7 даже образовалась инициативная группа офицеров, агитировавшая за Головина. От её имени, за подписями генерал-майора Н. В. Запольского и капитана В. С. Махрова, по штабам фронтов, армий, корпусов и дивизий рассылались телеграммы с призывом «голосовать за профессора Николая Николаевича Головина, известного всем офицерам Генштаба своей живой работой в военном деле»³². Штаб 7-й армии вообще проявил тут недюжинную активность. Известно не менее четырёх циркулярных телеграмм этого штаба в поддержку Головина; все они датированы 7 и 8 июня³³. В других обращениях штаб-7 акцентировалось внимание на том, что метод Головина использовался во французской и немецкой армиях, что он знаком с преподаванием во французской военной академии, так как находился там целый год, что он может связать академию с «наиболее яркими выразителями прикладного метода в военной литературе последних лет». При этом выдвигалось предположение, что с приходом к руководству академией Головина указанные лица составят новый штат академии. Воззвание было отпечатано типографским способом.

Это был резкий вызов профессорско-преподавательскому составу академии, который с приходом в академию Головина должен был потерять свои места.

В других армиях и на других фронтах мнения разделились. На общем собрании офицеров Генерального штаба Северного фронта были намечены следующие кандидатуры: А. И. Деникин, А. М. Драгомиров, Я. К. Цихович, В. А. Черемисов, Л. Г. Корнилов, Н. Н. Стогов, Н. Л. Юнаков, А. А. Свечин, А. И. Андогский, Н. А. Морозов³⁴. Непосредственно в штабе Северного фронта большинство было за Головина, один офицер за В. Ф. Новицкого, двое воздержались³⁵. На собрании генштабистов 1-й армии 7 человек голосовали за Головина и двое за генерала М. В. Алексеева³⁶. Голоса разделились и в 6-й армии, где также прошло общее собрание генштабистов по этому вопросу, по итогам которого было решено, «дабы не разбивать голосов, наметить несколько кандидатов на указанную должность и предложить их своим коллегам». Были выдвинуты кандидатуры Головина и Новицкого³⁷. В качестве весомого аргумента в поддержку Головина делался акцент на его борьбе со старым режимом в академии. В 9-й армии к 16 июня большинство высказались за Головина, но один офицер поддержал кандидатуру Андогского и двое воздержались.

Генштабисты 7-й Туркестанской стрелковой дивизии подготовили собственное воззвание к выборщикам³⁸. Измученные бюрократией офицеры ратовали за человека, который выведет их «из бездны рыбьих слов и формул»³⁹. Далее перечислялись кандидаты с указанием их заслуг и личных качеств. Помимо Головина и Андогского (названного последователем Головина, человеком мягким, уживчивым и выдающегося спокойствия), были указаны А. М. Драгомиров (боевой офицер, но без научных трудов), В. Ф. Новицкий, Б. В. Геруа и А. А. Незнамов. Не выступая за какого-то одного кандидата, авторы воззвания предлагали обсудить достоинства всех.

По воспоминаниям Геруа, генерал-майор С. Л. Марков выдвинул кандидатуру популярного военачальника генерала от инфантерии М. В. Алексеева⁴⁰. Скорее всего, она была одновременно выдвинута в разных штабах, что подтверждается документами⁴¹. Как о возможных кандидатах говорили также о генерал-лейтенантах В. Е. Борисове и В. Г. Болдыреве.

Фаворитами избирательной гонки считались А. И. Андогский, Б. В. Геруа, Н. Н. Головин, А. М. Драгомиров, М. А. Иностранцев, В. А. Черемисов и Н. Л. Юнаков. Все они, кроме Андогского, имели генеральские чины⁴². Порядок голосования был следующим. Выборщики подавали голос с указанием чина и фамилии одного кандидата в запечатанном конверте с надписью «Секретно.

В конференцию Николаевской военной академии от... Вскрыть в конференции в заседании выбора начальника академии». Пакеты от офицеров с фронтов должны были доставляться через полевые штабы генерал-квартирмейстерам фронтов к 10 июля, с тем, чтобы к 15-му быть доставленными с нарочным правителю дел академии (то есть человеку, предельно заинтересованному — Андогскому. — А. Г.). К этому же числу требовалось прислать пакеты от офицеров Ставки и центральных учреждений. После 15-го голоса не принимались...

18 июля конференция академии избрала счётную комиссию из трёх старейших профессоров для вскрытия конвертов совместно с тремя представителями от Военного министерства, Ставки и Главного управления Генерального штаба. Необходимо было определить четырёх лидеров голосования.

По армиям голосование прошло не совсем так, как следовало из предвыборных резолюций. Так, в Особой армии, высказавшейся до выборов в поддержку Головина, голоса разделились, и победил Алексеев — набравший 21 голос (35 процентов). На втором месте оказался Головин (13 голосов; 23 процента) и на третьем — Андогский (9 голосов; 15 процентов)⁴³.

Общие итоги выборов оказались следующими: Головин получил 410 голосов, Андогский — 373, Алексеев — 76, А. М. Драгомиров — 36, Черемисов — 20, Юнаков — 17,

А. И. Андогский.

В. Ф. Новицкий — 16, Незнамов — 5 и генерал-майор А. К. Келчевский — 3⁴⁴. Всего, таким образом, проголосовали 956 генштабистов. Большинство лидеров голосования были выходцами из кружка «младотурок». Солидный отрыв Головина и Андогского от остальных свидетельствует о значительном влиянии предвыборной агитации. Головин был популярен как реформатор и новатор, а менее популярный Андогский получил голоса курсовиков и преподавателей академии, а также голоса протестного электората (оппонентов Головина). Фактически военному министру был представлен рейтинг популярности представителей Генерального штаба — на основании которого он и принял решение.

В результате голосования победил Головин, однако начальником академии по личному решению военного министра Керенского стал всё-таки Андогский (правда, по окончании войны было обещано провести перевыборы)⁴⁵.

7 августа был издан приказ армии и флоту о назначении исполняющим должность начальника академии Андогского, а 16-го Головин был произведён в генерал-лейтенанты. Производство, видимо, должно было компенсировать ту обиду, которую нанёс ему своим решением Керенский, утвердивший менее достойного претендента.

Головин попытался, однако, оспорить решение министра. 20 августа он писал исполняющему должность второго генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем полковнику Ю. Н. Плющевскому-Плющюку: «Всё это вынуждает меня обратиться к Вам с просьбою не отказать сообщить мне, а также всем избирателям причины неутверждения кандидата, получившего наибольшее количество голосов.

Выяснение этих причин и широкое, официальное оглашение их имеет для меня существенное значение.

Дело в том, что ко мне поступают со стороны избирателей запросы, почему я не утверждён, и претензии, почему я, согласившись выставить свою кандидатуру, будто бы сам отказался от должности начальника академии»⁴⁶.

31 августа Головин получил ответ: «Из личного разговора с начальником Генерального штаба генерал-майором Романовским по поводу Вашего письма о причине неутверждения Вас начальником академии как кандидата, получившего наибольшее количество голосов, выяснилось, что желание офицеров Генерального штаба о проведении выборного начала в чистом виде, т.е. назначение начальником академии кандидата, получившего абсолютное большинство голосов, не было удовлетворено.

Военным министром был избран полковник Андогский начальником академии на

время войны из четырёх кандидатов, согласно телеграммы начальника Генерального штаба от 12 июля за № 8900, при этом число голосов, поданное за каждого из четырёх кандидатов, не имело значения.

Начальник Генерального штаба полагает, что занимаемое Вами высокое ответственное место на фронте и необходимость сохранить Вас для армии были причиною, почему военный министр не остановил выбора на Вас»⁴⁷.

13 сентября новый военный министр генерал-майор А. И. Верховский попытался успокоить возмущённого Головина телеграммой с объяснением причин иного выбора: «Временное правительство считает вас одним из немногих настоящих генералов фронта. Академию можно будет восстановить вам после. Шлю сердечный привет»⁴⁸.

Выборы начальника академии проходили на фоне постепенной политизации корпуса офицеров Генерального штаба, наиболее ярко проявившейся в будущем в его национализации и в расколе его между красными и белыми. Подобные акции существенно расширили границы допустимого поведения генштабистов в революционное время. На выборах в качестве реальной силы показали себя две мощные офицерские группировки. Одна представляла сторонников перемен и своим лидером видела крупного военного учёного генерала Головина, прославившегося стремлением к новаторству и реформам ещё накануне мировой войны. Вторая группировка была связана непосредственно с академией, с её профессорско-преподавательским составом; её выдвинувшим был полковник Андогский. Куда менее известный, чем Головин, он, однако, заручился поддержкой многочисленных выпускников ускоренных курсов академии — что сразу обеспечило ему большое количество голосов (одни бывшие курсовики дали Андогскому больше голосов, чем смог набрать третий претендент, один из самых известных военачальников русской

армии тех лет М. В. Алексеев). Полковник находился в Петрограде и имел больше возможностей для интриг в Военном министерстве, чем его соперники. Каждая из сторон задействовала административный ресурс. Для Андогского таким ресурсом было воздействие на курсовиков, а также полиграфические возможности академии, типография которой, по всей видимости, печатала листовки в его поддержку. Кроме того, именно ему должны были направляться письма с голосами генштабистов. О том, были ли допущены злоупотребления при регистрации писем и подсчёте голосов, мы уже вряд ли узнаем...

Выбор, перед которым оказался Керенский, был непростым. Подлинными лидерами голосования были два кандидата — Головин и Андогский, — и разрыв между ними был не так велик, как их отрыв от остальных. И Керенскому, чтобы не вызывать в канун корниловского выступления бурю негодования генштабистов, приходилось выбирать лишь из двух. Назначать Головина он, видимо, не хотел, причём едва ли по тем причинам, о которых потом сообщили Головину. По всей видимости, Керенского заботила та роль, которую в условиях угрозы правого военного переворота (вылившейся вскоре в движение генерала Корнилова) могли сыграть академия и её слушатели. С этой точки зрения Андогский казался Керенскому более лояльным, чем представитель далёкого Румынского фронта Головин. Определённые опасения могла вызывать и популярность Головина.

Впоследствии, уже в белой Сибири, Андогский, пытаясь откеститься от обвинений в дружбе с Керенским, заявлял, что тот лишь утвердил решение начальника Генерального штаба Г. Д. Романовского⁴⁹. На самом деле, как мы видели, всё было иначе.

Несправедливое назначение Андогского оказалось, однако, благотворным для академии. Профессор М. А. Иностранцев прямо писал об этом: «Назначение на эту

должность именно Андогского было спасительным для академии в бурное революционное и в наступившее после него ещё более обильное подводными камнями — большевицкое время.

Благодаря исключительной ловкости и гибкости этого человека, неподражаемого в умении влезать в душу, не стеснявшегося в приёмах и не брезговавшего в своих целях дружбою не только с Керенским, но далее даже и с Троцким-Бронштейном, академия не была разгромлена и уцелела, хотя и навлекла на себя в крайних правых кругах обвинение в «большевизации», потворстве коммунизму и т.д.

Несомненно, что своей ловкостью и приносившим Андогский прежде всего спасал самого себя, но нельзя не признать, что, спасая себя, он спас и академию и спас так, как едва ли бы удалось это сделать кому-либо другому»⁵⁰.

Андогский был достаточно умен, хитёр и изворотлив, чтобы в интересах академии находить общий язык и с большевиками, и с властями белой Сибири. Под его руководством академия сравнительно благополучно пережила лихолетье Гражданской войны — несмотря на то, что проделала в самых чудовищных условиях невероятный путь от Петрограда до острова Русский на восточной оконечности России, побывав и у красных, и у белых. Несмотря на всё это, Андогский и его сотрудники сумели сохранить, сбереечь для будущих поколений бесценный архив, библиотеку и несколько музеев академии, являющихся достоянием русской истории и культуры⁵¹. В том числе благодаря этому в наши дни увидели свет уникальные воспоминания военного министра Д. А. Милютина, а исследователи имеют возможность прикоснуться к богатейшему документальному наследию старой академии. И кто знает, что стало бы с академией, окажись тогда во главе её генерал Головин.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 111 об.; Д. 45. Л. 7–7об.
2. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4.
3. Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 126 об.
4. Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 1.
5. К выборам начальника Военной академии // Русский инвалид. 1917. № 139. 16 июня. С. 3.
6. ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 109 об.
7. Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж. 1969. С. 274.
8. Архив Гуверовского института (Hoover Institution archives, Stanford university, HIA). Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2.
9. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 126 об.
10. Авторство наименования членов кружка «младотурками» принадлежало интриговавшему против них М. Д. Бонч-Бруевичу. В состав кружка накануне Первой мировой войны входили молодые профессора и преподаватели: Н. Н. Головин, А. К. Келчевский, А. А. Незнамов, Н. Л. Юнаков, В. А. Черемисов, А. А. Балтийский, Б. В. Геруа,

А. Ф. Матковский, П. И. Измествьев, В. З. Савельев, А. И. Андогский; их поддерживали начальник академии Д. Г. Щербачёв и великий князь Николай Николаевич-младший. Немаловажно, что Головин, Келчевский, Измествьев и Незнамов были однокашниками по выпуску 1900 года.
11. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об.
12. HIA. Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2.
13. РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 56. Л. 3–4.
14. Стал экстраординарным профессором 15 сентября 1917 года (Там же. Ф. 409. П/с 155–435. 1917 г. Л. 3 об.).
15. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 3. Л. 175.
16. Геруа Б. В. Указ. соч. Т. 1. С. 274.
17. HIA. Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4777. Л. 11–11 об.
18. Подробнее о курсовиках см.: Ганин А. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62–66.
19. Щербов-Нефедович отмечен Головиным

пунктиром, так как, не разделяя взгляды «младотурок», он всё же имел силы поддерживать их. Так же поступал и Сухотин (ГАРФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 10).
20. HIA. Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2.
21. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4777. Л. 12.
22. Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 87.
23. HIA. Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4736. Л. 15.
35. Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 82.
36. HIA. Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2.

37. Там же.
38. Там же.
39. «Рыбы слова» — на академическом жаргоне наименование определений, точного воспроизведения которых требовал от слушателей профессор Б. М. Колюбакин (Геруа Б. В. Указ. соч. Т. 1. С. 135–136).
40. Там же. С. 274.
41. К выборам начальника Николаевской военной академии // Русский инвалид. 1917. № 141. 18 июня. С. 3.
42. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 12.
43. Там же. Л. 141.
44. Там же. Л. 128–129, 135.
45. Там же. Л. 136.
46. Там же. Л. 137 об.
47. HIA. Russia. Poso'stvo U.S. Box 10. Folder 2.
48. Там же.
49. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
50. ГАРФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 3. Л. 176.
51. Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М. 2013. С. 260–272.